

Николай Добролюбов

Пермский сборник...

Николай Александрович Добролюбов

Пермский сборник...

Сборник был издан в Москве, его редактор – пермский краевед и библиограф, в будущем земский деятель Д. Д. Смышляев. В 1860 г. вышла вторая книга по общей программе: история, этнография, статистика, смесь, приложения. По его примеру в других губерниях также стали издавать сборники. Статья Добролюбова выходит за пределы краеведческой проблематики. Его постоянное внимание к бытовым, историческим, экономическим, политическим фактам провинциальной России, его забота о развитии просвещения «по всем краям» – часть его программы борьбы за «реальные воззрения» на современную жизнь русского общества, за перспективу общественного, демократического движения.

Содержание

#1	0005
Примечания	0044

**Николай Александрович
Добролюбов
Пермский сборник...**

*Повременное издание. Книжка I.
Москва, 1859*

Вся литературная деятельность сосредоточивается у нас почти исключительно в двух столицах, и мы смотрим на это как на вещь совершенно нормальную, полагая, что этому так и быть должно, что это все в порядке вещей. Между тем ничего не может быть страннее такого явления, особенно если мы припомним отовсюду поднимающиеся клики о том, как в настоящее время во всех концах России пробудилась любовь к просвещению и началась усиленная деятельность мысли... Что в столицах литература должна развиваться сильнее, нежели во второстепенных городах, – это совершенно естественно. Во всей Западной Европе мы видим то же самое явление. Даже в Соединенных Штатах, лишенных всякой централизации, журнальная и вообще книжная деятельность развивается преимущественно в больших городах, важных в административном или промышленном отношении. Но все-таки – не говоря о Штатах, где в каждом городишке есть журнал, – в Англии, например, из всего количества журналов и газет в Лондоне издается едва четвертая часть, во Франции каждый де-

партамент имеет свою газету, и пр. А у нас – исключите Петербург и Москву, – что остается! «Одесский вестник» с «Южным сборником»[1] да «Ученые записки Казанского университета» с «Православным собеседником» [2] – вот вам и все[3]. А затем пойдут уже сухие губернские ведомости – до того сухие, что иногда в них целый год ничего не помещается, кроме перепечатки объявлений вновь выходящих книжек петербургских и московских журналов. Подумаешь, право, что в России везде, кроме столиц, люди спят себе и рта открыть не умеют, двух мыслей не свяжут, особенно на бумаге. А между тем это вовсе неправда: в провинциях-то и живут люди рассуждающие, серьезно интересующиеся наукой и литературой, с любовью следящие за современным направлением мысли. В провинции-то обыкновенно и развиваются дельные, крепкие люди, оттуда-то и наезжают они в столицы, с жаждой знаний и труда, с свежими силами и с любовью к делу. Отчего же они не работают в провинциях? Отчего, если дельный человек заведется где-нибудь в Пензе, в Устьсысольске или в Стерлитамаке, он

непременно тянется в Петербург или уж по крайней мере в Москву? Кто бывал в наших провинциальных городах, для того, вероятно, нетруден будет ответ на этот вопрос. Ясное дело, отчего мужик свой хлеб на базар везет, часто за несколько десятков верст: в своей деревне у него сбыту нет. То же самое и с литературной деятельностью. Люди в провинциях учатся, занимаются, работают; но результат их работы не может проявиться вне столиц. Наши провинции, не говоря об административном и других житейских отношениях, даже и в интересах умственных вовсе не живут своей отдельною, самостоятельною жизнью: к ним приходит из Петербурга свет либо из Москвы. Сюда все централизовано: здесь и академии наук и художеств, здесь и университеты, и публичная библиотека, и ученые общества, и редакции всех журналов и газет, и свежие иностранные новости. Провинция отсюда получает просвещение, сюда обращает она свое любопытство; отсюда узнает она даже о самой себе. Положим, например, что вы живете где-нибудь в Макарьеве. В вашем уезде случилось в июне нынешнего года заме-

чательное происшествие: объявился урод. Но вы ничего этого не знаете, потому что слава об этом явлении ограничилась довольно тесным пространством и до вас не достигла. Но вот проходит июль, август, сентябрь; в октябре вы получаете восьмую книжку «Журнала министерства внутренних дел» и читаете – под рубрикою: «Уродливые рождения», на стр. 48, – что Нижегородской губернии, Макарьевского уезда, в деревне Кременках, солдатка Палагея Иванова 13 июня принесла к становому четырехмесячного незаконно прижитого ею урода; становой донес об этом куда следует, дело пошло по начальству и благодаря благодетельной гласности отпечатано в петербургском журнале. Если бы существовал до сих пор «Русский дневник»[4], то и он не без удовольствия перепечатал бы это известие, и, таким образом, из Петербурга – а уж никак не из Макарьева – разошлось бы на всю Россию сведение об уродливом рождении. Так и во всем. О действиях собственных ваших губернских комитетов – то есть об их открытии, обедах, речах и т. п. – откуда вы получали сведения? Конечно, более всего из

«Московских ведомостей»... Знаменитая полемика восемнадцати калужских дворян, по поводу женской гимназии в Калуге, где производилась? В «Московских ведомостях» и «Северной пчеле»! [5] А где печатались интересные сведения о таганрогской мостовой, о николаевском и таурогенском благородных собраниях, о нравах новгородского общества, и пр. и пр.? Всё в столичных газетах. Почему? Потому, во-первых, что напечатанное в «Калужских» или «Новгородских ведомостях» не пойдет далее Калуги или Новгорода, а из Петербурга или Москвы сведение разойдется по всей необъятной России; потому, во-вторых, что многие вещи, как будто уж по самой натуре своей, должны непременно сначала побывать в Петербурге, а уж потом огласиться во всеобщее сведение. По самое главное – в-третьих... Это «в-третьих» довольно трудно объяснить в коротких словах, и потому мы несколько распространимся.

Видите ли, в чем дело. Большая часть сведений, которые должны бы появляться не в столицах, а прямо в провинциях, касается местных интересов края. Но в местных инте-

ресах непременно замешаны какие-нибудь личности; личности эти в том краю всем известны... Вы можете их не называть; но уж по одному тому, что статья, рассказывающая об известном происшествии, явилась в газете такого-то города, тотчас все там догадаются, о чем идет речь, и даже доберутся, кто писал статью, под какими бы псевдонимами и анонимами вы ни укрывались... Ведь г. Н. О. напечатал, как его за статейку о нравах местного общества призывали и распекали по начальству![6] Ведь г. Б – ин опубликовал о том, как он, против всех прав, был исключен из членов губернского клуба за то, что был приятелем с г. В. Е – ным, написавшим повесть, не понравившуюся местным аристократам[7]. Попробуйте же возиться с такими людьми и печатать у них что-нибудь под носом! Как ни бейтесь, ничего вы с ними не поделаете. А ведь к числу таких людей нередко могут принадлежать и те, от кого зависит напечатание статьи в губернской газете или хотя бы и отдельно, но в местной типографии. Конечно, можно получить разрешение из Петербурга, пославши туда рукопись: но в таком случае

гораздо короче – прямо в Петербурге же ее и напечатать. Там никто местными дрызгами оскорбляться не станет, а иной и хотел бы оскорбиться, да не знает, чем и как, потому что дело и лица ему неизвестны; следовательно, статейка может появиться довольно безопасно. А иногда еще бывает и так: после напечатания статейки в столичной газете или журнале вдруг какой-нибудь господин (иногда вовсе и не тот, кого нужно) выскочит, да и вскинется: «Это вы на меня написали; как же вы это осмелились? Я на вас, милостивый государь, жаловаться буду». Да, не ограничившись словами, в азарте напишет это да под такой-то грамоткой и собственную фамилию, чин и место жительства подмахнет... Ну, разумеется, дело-то и объяснится. И уж тут автору ничего; потому – общественное мнение всегда за него бывает очень сильно в этих случаях. Разве из службы иной раз вытеснят, ежели он служащий; так и то ничего: может в столицу переехать или в другую губернию и там еще лучше место получит, ибо уж по всей России делается известно, что он «пострадал по службе за правду».

Таким образом, главная выгода печатания в Петербурге или Москве состоит в относительно большем просторе для провинциального автора. Столица проводит над провинциею свой уровень, под который не подходят разве каких-нибудь пять-шесть лиц, по своему положению уж очень известных... да столице иначе и невозможно: ей без провинций нечего было бы и делать, без них она бы не могла почувствовать даже и запаха благодетельной гласности. Как без подвоза хлеба из провинций Петербург умер бы с голоду, так без подвоза материалов из губерний литература зачахла бы. Сообразите только, что, несмотря на внешний лоск цивилизации, щепетильность немалая существует и в столичном обществе; следовательно, в отношении к своим собственным обитателям Петербург стоит здесь почти в таком же отношении, как любой уездный город – к своим. А отсюда уже совершенно ясно, что столичной литературе необходима провинция. В самом деле, припомните содержание большей части наших повестей, романов, очерков, комедий, даже стихотворений в новейшем вкусе: все про-

винция!.. «Ревизор» и «Мертвые души» происходят где-то в отдаленнейших концах России... Из губернских очерков, провинциальных воспоминаний, уездных сцен и т. п. можно бы теперь уж сочинить новую российскую географию, и из всех этих Крутогорсков, Беловодсков, Краснорецков и пр. составилось бы, пожалуй, более городов, чем сколько их есть во всей Российской империи[8]. А столица еще не тронута: о ней только в корреспонденции Nord'a[9] пишут иногда, да и то большею частью невпопад.

Не знаем, достаточно ли ясно изложили мы наше «в-третьих». Но если вышла неясность, то в этом надо винить какой-то особенный случай: когда мы писали, это у нас было очень ясно; а после того как написали – как-то уж не так ясно сделалось...

Однако же дело все-таки в том, что отсутствие книжной деятельности в провинциях сильно свидетельствует против возгласов о разлитии потока просвещения по всем краям нашего великого отечества. Образованному и деятельному человеку у нас нечего делать в провинции, ежели он не служит там где-ни-

будь. Примется он писать, издавать что-нибудь, имеющее местный интерес? У него не будет достаточного количества читателей: известно, что даже наиболее распространенные из журналов, имеющих общероссийский интерес, получают в некоторых губернских почтовых конторах по 20–30 экземпляров на целую губернию. Куда же тут предпринимать издание с местным интересом! Школу может завести человек? Во-первых, с этим нужно выдержать очень много предварительной возни, а потом – это значит жертвовать свой капитал и труд на пользу общую, не надеясь на вознаграждения. А еще не у всякого и есть нужный для этого капитал... Публичные лекции, что ли, может еще затеять человек в провинции? Или акционерное общество составить? Или общественные дела повернуть на другую дорогу? Об этом смешно и думать. А между тем деятельность хочется, праздность и пустота жизни томит и тревожит, по крайней мере смолоду... Вот человек и тянется в Петербург или в Москву. Он же знает, что и там не будет лишним и там людей мало, так что он еще будет замечен, выйдет, пожа-

луй, вперед. Если он прочитал две книжки по-латыни или по-славянски, то он уже не без некоторого основания думает быть профессором в университете; если он читал усердно хоть «Экономический указатель» г. Вернадского[10], он уже метит попасть в какую-нибудь специальную комиссию по финансовой части; ежели изучил статьи «Русского вестника» об адвокатуре и гласности судопроизводства, то считает себя вправе занять довольно значительный пост в государстве, то есть в столице... И нельзя считать его претензий очень нелепыми: они имеют свою долю оправдания в том, что ведь бывают люди, которые и того не знают, что в «Русском вестнике» и «Экономическом указателе» пишется, и между тем занимают видные и влиятельные должности. Повсюду недостаток людей, и этот недостаток, разумеется, как и все прочее, централизуется в столицах. Оттого, естественно, все сюда и должно тянуться; оттого провинция долго еще будет пробавляться в умственном, как и в административном отношении, тем, что присылается из столиц, хотя это присылаемое вырабатывается собственно

в провинциях же.

«Пермский сборник», по поводу которого мы распространились о провинциальной литературной деятельности, может служить прекрасным доказательством того, как много может у нас в провинции оказаться дельных и образованных людей, если только представится им случай и удобство обнаружить свою деятельность. В первой книжке «Пермского сборника» шестнадцать статей, большею частью исторического и этнографического содержания. Из них две статьи принадлежат лицам столичным и известным в нашей литературе: одна – «Заметка о пермских древностях» – г-ну Ешевскому, другая – «Воспоминание о докторе Грале» – г-ну Киттары. Остальные четырнадцать статей написаны девятью местными авторами, совершенно неизвестными в нашей литературе. Между тем в большей части этих статей выказывается такое обилие знаний, серьезность взгляда и мастерство изложения, какие не всегда встречаются в столичных журналах. Самое предисловие, объясняющее взгляд издателя на свое предприятие, резко отличается благородством сво-

его тона от кудреватых и лихих предисловий какого-нибудь «Утра» или «Весны»[11]. Вот что говорит в предисловии издатель «Пермского сборника»:

Задумавши издание «Пермского сборника», мы имели в виду сообщать материалы, наблюдения и факты, касающиеся различных сторон Пермского края, которые могли бы принести пользу любознательным людям при его изучении.

В какой мере мы можем выполнить нашу задачу, публика увидит из предлагаемой вниманию ее первой книжки «Сборника».

Может быть, некоторые читатели будут недовольны, встретивши в ней много сырых материалов. На это скажем следующее: мы не отказываемся помещать в «Сборнике» обработанные статьи; но не всегда можем их дать; притом они, будучи роскошью нашего провинциального издания, не составляют прямого его цели.

Во всяком случае, изъявляем надежду услышать искренние замечания о недостатках первой книжки и обеща-

ем по возможности устранить их в
следующих.

И более ничего: ни о знаменах, ни о партиях, ни о собственном благородстве, ни даже о недобросовестности журналистов! Правда, что «Пермский сборник», как издание очень дельное, вовсе и не нуждался в подобных выходках...

Программа «Пермского сборника» такова, что он мог бы сделаться журналом, если бы обстоятельства (состоящие, между прочим, в его успехе между читателями) благоприятствовали этому. В нем четыре отдела: 1) *исторический*, в котором предположено помещать статьи о различных национальностях, вошедших в состав пермского населения, об отдельных событиях, отозвавшихся чем-либо на состоянии края, об истории отдельных местностей края, биографии замечательных личностей, исторические очерки местной администрации и общественных учреждений, археологические заметки о тамошних памятниках древности; 2) *этнографический* – описание образа жизни народа, обычаев, поверий, сборники песен, сказок и пр.; 3) *статистический*

– описания разных местностей, вод и лесов, статьи о естественных произведениях края, о состоянии сельского хозяйства в Пермской губернии, о торговле и промышленности и пр.; 4) *смесь и приложения* – путевые заметки, характеристики разных сторон жизни края, хроника местных современных событий, исторические акты разного рода, библиография сочинений о Пермской губернии, объявления. В заключение программы прибавлено, что «желающим помещать свои статьи в «Пермском сборнике» редакция его предлагает приличное вознаграждение». Это уж значит, что «Сборник» составился не по случайному вдохновению дилетантов, а задуман серьезно.

И при всем том нельзя поручиться за большой успех «Сборника» собственно в Пермской губернии. Но в нем есть несколько статей, имеющих интерес не только для пермяка, но для всякого образованного читателя, и это может помочь его успеху. Таковы две статьи, относящиеся ко времени пугачевского бунта: одна – «О мерах предосторожности, какие принимаемы были пермскими заводами во

время пугачевского бунта» г. Планера; другая – «Пугачевский бунт в Шадринском уезде и его окрестностях»[12]. Последняя статья дополняет многими любопытными документами статью г. Плотникова о том же предмете («Далматовский монастырь в пугачевщину»), помещенную в «Чтениях Московского общества истории»[13]. Вообще обе статьи «Пермского сборника» имеют важное значение для каждого, кто интересуется новою русскою историею, потому что они составлены по материалам, доселе никому не бывшим известными и сохранившимся в туземных архивах. Редакция обещает еще несколько статей и материалов об этом загадочном для ученых событии русской истории, и нельзя не пожелать, чтоб это обещание было поскорее выполнено. Чтобы показать, как редакция «Сборника» смотрит на историю пугачевщины, приведем заметку от редакции, помещенную пред статьей г. Планера (стр. 46):

Пугачевский бунт не был явлением одной только местности – Яика; напротив, он охватил весь восток европейской России; повсюду поднялся народ

против тогдашней власти и, между прочим, это волнение обнаруживалось более или менее в каждой местности и Пермского края. Выло бы, конечно, односторонне и крайне поверхностно объяснить причину этого явления тем, что вот-де некто злодей Емелька Пугачев назвал себя императором Петром III, а простой народ вдался в обман и восстал против законной власти; утверждать так значило бы отрицать всякий человеческий смысл у волновавшегося миллионного народонаселения. Между тем при обнаруженном запасе материалов об этом предмете трудно еще дать положительный ответ на то, из каких дурных соков народного быта скопился этот недуг, как видно, зачавшийся в общественном теле задолго до 1773 года, выступавший наружу и прежде этого времени, да и после, только с переменю своего названия и в неодинаковых размерах. Наука вполне объяснит это явление, конечно, только тогда, когда в обладании ее будут находиться все примыкавшие к нему частные события. Редакция «Пермского сборника»

располагает достаточным количеством статей, относящихся по своему содержанию – как ко времени пугачевского бунта, так и к происходившим в другие времена волнениям в народонаселении той или другой местности в Пермском крае. Эти статьи составлены на основании данных, большей частью доселе неизданных, и если иногда в них проскользнет недостаток современности взгляда на события и искусства группировки их, то, без сомнения, статьи эти имеют по крайней мере всю цену материала для специалистов-историков.

Кроме этих двух статей, общий интерес имеет также статья г. Крупенина: «Краткий исторический очерк заселения и цивилизации Пермского края». Очерк этот, впрочем, слишком уж краток и, несмотря на множество ученых примечаний, дает довольно мало: укажем только на то, что развитие просвещения в Пермском крае с начала прошлого столетия – изложено на трех страницах!

В статье г. Крупенина заметили мы еще до некоторой степени местно-патриотическое

направление, впадающее в идиллию. По его словам, во всем крае господствует благосостояние и довольство, все население смышленное переимчивое, готовое сочувствовать всякой реформе к лучшему, нравственность прекрасная... Мы не смеем ничего говорить против этого; но – воля ваша – такое повальное восхваление целого края всегда бывает подозрительно: или это общее место, или прямо – ошибочный взгляд. Отчасти то же настроение нашли мы в статье г. Теплоухова: «Краткое описание лесохозяйства в пермском майорате графов Строгановых», и особенно в «Очерке юго-западной половины Шадринского уезда» священника Тихона Успенского. Статья г. Теплоухова, впрочем, содержит в себе очень много любопытных данных и основательных замечаний о крестьянском населении в тех местах и о способах предотвращения лесных преступлений. Он рассказывает, между прочим, что в имении графов Строгановых введена теперь система легких оштрафований. Открытые лесным смотрителем виновные записываются в судную тетрадь, с подробным обозначением всех обстоятельств проступка и

своих преступника. Суд назначается в неопределенные сроки, по мере накопления дел; он состоит из окружного лесничего и сельского приказчика. Лесные смотрители и сторожевые должны на этом суде уличить виновного, и тогда назначается ему штраф: лесничий, как техник, определяет важность проступка, а приказчик принимает в соображение личность подсудимого. Затем в нескольких словах весь суд и решение записывается в судную тетрадь. Штрафы вообще бывают легкие, но крестьяне, по свидетельству г. Теплоухова, боятся не столько самых наказаний, сколько записыванья в книгу, которую они называют *черною*. Рассказав все это, г. Теплоухов делает еще следующие замечания (стр. 63–64):

Простота судопроизводства и легкость штрафования не ожесточают и не разоряют крестьян, облегчают стражу в исполнении ее обязанностей, а главное – предохраняют стражу от взяточничества, крестьян от лукавства. Исполнение штрафов лежит на обязанности местного начальства. Штрафные деньги хранятся особо от

местных доходов и употребляются на награды лесной страже; присужденные к работе употребляются при устройстве лесов.

Нелишне здесь заметить, что опыт привел к такой форме судопроизводства, существующей только с 1846 года. Основанием же прежнего судопроизводства было ложное убеждение, что строгие взыскания могут застрашать крестьян и предотвращать проступки. Но многочисленность и запутанность постановлений, которых крестьяне даже не понимали, а еще менее помнили, недобросовестность лесной стражи и слабость местных начальств по исполнению штрафов имели последствиями: 1) Неудовольствие крестьян на тяжесть штрафов, от уплаты которых они, впрочем, всегда имели возможность уклоняться. 2) Бесчисленное делопроизводство по апелляциям крестьян, сопряженное с разными проволочками. 3) Медленность в исполнении приговоров, по причине трудности самого исполнения. 4) Подкуп лесной стражи, ибо виновному легче было дать небольшую взятку

сторожевому, чем заплатить в десять раз больший штраф по приговору суда. Таким образом, бедняк, которому нечего было заплатить страже, подвергался суду, а богатый откупался. Я еще застал в Инвенском округе одного лесного смотрителя, который постоянно пьянствовал и ездил в лес, как будто за добычей. Поднявшись на ближайшую гору, он смотрел, нет ли где-нибудь в лесу дыму от жжения костров на подсеках; ехал по направлению дыма, находил виновных и, угрожая им штрафом в 20–30 руб., брал с них откупного, сколько нужно было ему на вино... Крестьянин, если с ним поступают не жестоко и справедливо, добр, послушен; в суде не лжет, по природной простоте; от умеренного штрафования не уклоняется; исполняет все полезные для лесов постановления, когда к ним привыкнет и ознакомится с ними. Если у нас существует поныне много проступков, то это происходит от недостатка лесов, несовершенства лесной стражи, которая, спуская вины одним, вводит тем в соблазн других, наконец, от новизны са-

мых запрещений, число которых с каждым годом увеличивается.

Кроме указанных статей, особенно любопытною показалась нам статья г. Фирсова: [14] «Открытие народных училищ в Пермской губернии». По литературному своему достоинству это едва ли не лучшая статья «Сборника». Назвавши г. Фирсова, мы вспомнили, что уже встречались с этим именем в литературе. В конце прошлого года г. Фирсов поместил в «Русском педагогическом вестнике» статью о воспитании девиц в Пермской губернии. Мы не знаем этой статьи, потому что «Педагогический вестник», как известно, составляет большую библиографическую редкость (и охота г. Фирсову помещать свои статьи в подобных изданиях!)[15]. Но в 68 № «Русского дневника» была рассказана по этому поводу очень любопытная история, к которой мы и отсылаем любознательных читателей, заметив только, что она, по нашему мнению, несколько не компрометирует г. Фирсова...[16]

Что касается до статьи г. Фирсова в «Сборнике» – она замечательна по тому живому, реальному воззрению, с которым автор при-

ступают к своему предмету. Подобное воззрение еще ново в нашей науке, оно должно еще завоевать себе место на этой арене, по которой ползают дряхлые ученые. У нас до сих пор господствует формальность воззрений, не проникающая в жизнь, довольствующаяся книгами, да и в книгах отрицающая все, что отзывается чистой реальностью. Для наших ученых – если издан закон, так это значит, что он уж и вошел жизнь народа; коли кто получил публичную овацию значит, что он популярен; коли в школах преподаются такие-то предметы, значит, что образование процветает, и т. д. А что было на деле, как принимался народом известный закон, какие обстоятельства вынудили овацию, чему ученики выучились, на это ученые господствующей у нас школы и не думают обращать внимание. «Как можно больше форм и слов, как можно меньше дела!» – вот их тайный девиз, обыкновенно прикрытый громкими фразами... Но теперь с каждым годом он становится яснее для массы простых, неученых людей с каждым годом смешнее становятся ученые карлики роющиеся в пыли и составля-

ющие понятие о жизни людях по плевкам, оставшимся на песке, через который проходили толпы. Еще мало людей живого воззрения в нашей науке; но уже довольно того, что они есть. Как скоро они начинают появляться, старые формалисты отжили!..

К числу людей живых принадлежит, несомненно г. Фирсов. В его статье рассматривается открытие народных училищ в Перми в 1786 году. Кажется, ясно, о чем тут следует толковать? Училище открыто – это факт, теперь надо объяснить этот факт, то есть показать: когда, при ком открыто оно, какие лица в нем были начальниками и учителями, какой был устав его, какие науки преподавались, по каким методам и т. д. Но г. Фирсов задал себе другие вопросы; он повернул дело вот как: открыто училище, – какие же отношения установились между ним и народонаселением? что оно хотело и что успело сделать для народа? Вопросы эти несравненно труднее и глубже, и для их разрешения нужна не одна кропотливость и терпение, – нужен и здравый смысл и сочувствие к благу народному. Мы не станем рассказывать все

содержание статьи г. Фирсова: его исследования приводят к убеждению, что пермское училище открытое в 1786 году, представляло собою один из печальных образчиков того, что вообще делалось тогда в России с училищами вслед за формальным их открытием. Но мы не можем не привести некоторых мест из статьи г. Фирсова, дающих понятие о его взгляде и изложении.

Рассказав подробно акт открытия училища, г. Фирсов приводит, между прочим, речь учителя Назаретского по этому случаю, утверждающую, что древняя Греция уже ничто пред тогдашнею Россией», что «уже вводится все местное просвещение, яко надежнейшая подпора, утверждающая благосостояние народа», что теперь «и погруженный в мрачном невежестве вогулич восприимет участие в славе просвещенных сынов российских», и пр. Приведя эту речь, г. Фирсов говорит (стр. 148):

Прошло с тех пор семьдесят лет, а между тем вогулич и с ним его братья – татары, вотяки и другие – еще не принимали участия в славе просве-

ценных сынов российских, оставаясь по-прежнему в невежестве; да и масса русских в Пермском краю, да и во всей России, успела ли в эти семьдесят лет стать лучше своих дедов и прадедов, сбросила ли с себя ярмо суеверий, предрассудков, неурядицы? Привила ли к себе начала истинного порядка, любви к ближнему, сознания своего человеческого достоинства – эти истинные плоды образования народного, для произрастания которых и учреждаются училища? Где же это народное образование, которого ждали от народных школ Назаретский и другие мыслящие люди старого времени и которому бы уступила образованность древнего грека? Где же это внешнее благосостояние и нравственное богатство, которые должны были, по их словам, войти в жизнь народа, вместе с образованием, долженствовавшим распространиться посредством училищ? А ведь училища, в течение этих семидесяти лет, в своем складе улучшались, умножались, преобразовывались, и между тем современный нам русский человек, отвечая на эти вопросы, все-таки

придет к убеждению, что еще далеко не выросли мы до той мерки, чтобы иметь право сказать: мы образованный народ.

Для объяснения этого явления, действительно очень странного, г. Фирсов обращается к вопросу о значении вообще школы в жизни народа и указывает два требования, необходимые для того, чтобы школа имела благотворное влияние. Первое требование относится к самой цели образования, предположенного школою, второе к внешним условиям ее существования. Мы приведем вполне рассуждение автора об этом предмете (стр. 149–151):

Школа есть один из главнейших проводников образования в народ; в этом, кажется, сомневаться никто не станет. Но дело в том, что под образованием, которое хотят провести чрез учебные заведения в народ, нередко самые учредители школ разумеют совсем не то, что составляет истинное образование, разумеют часто под словами «образовать ум и сердце» – не свободное развитие духа человека, а из-

вестного рода цели, более или менее односторонние, нередко эгоистические; понятно, что такие учредители школ всегда хлопочут, под видом образования, только о том, чтобы училища, ими учрежденные, поставляли людей именно так образованных, как они понимают это слово, и для достижения этой цели предписывают бесчисленное множество правил, долженствующих определить каждый шаг воспитанника, каждое действие школы. Не мудрено, что училище, которое обязано образовывать питомцев по известной мерке, не пойдет далеко, будет не привлекать к себе, а отталкивать от себя большинство, массу; потому что инстинкты массы никогда нельзя обмануть, каким бы громким титулом ни прикрывалась цель заведения. Так схоластические школы в средних веках, иезуитские школы в новых – никогда не пользовались доверием, уважением со стороны массы народной; потому что те и другие, под вывескою образования, преследовали узкие цели, удовлетворяющие людям известного направления, но не

удовлетворяющие всем сторонам человеческого духа.

С другой стороны – положим, что учредитель школы понимает образование как следует, хочет посредством школы развить свободно-разумного человека, без задней мысли о своих личных интересах; но этим еще не будет все сделано, чтобы иметь право требовать от школы поставки истинно образованных людей, благотворного ее влияния на страну, среди которой она основана. Школа прежде всего существует не среди ангелов и не для ангелов, а среди людей и для людей, у которых есть свои понятия, привычки, верования, потребности, отношения, обуславливающиеся местом, временем и другими обстоятельствами и обнаруживающиеся всегда в известных формах. Выступая с своими началами, школа должна заявить их тоже в видимых формах, сообразных самым этим началам, и должна иметь под рукою достаточно материальных и нравственных средств для их осуществления; стало быть, школе должна быть дана такая организация,

которая бы вполне соответствовала цели свободно-разумного развития, ни одною своею частию не противореча ей; то есть лица, которым вверяется школа, должны быть поставлены вне всякой зависимости от разных общественных отношений, в своих взаимных действиях быть чужды характера полицейства, должны проникнуться одним духом, иметь в виду одно только свободное развитие питомцев; для этого им должны быть даны достаточные материальные средства и способные понимать истинное образование и в духе его действовать – педагоги или учителя. Если же школа дурно управляется, если правящие ею, забывая об ее цели, в своих действиях руководятся правилами, принесенными бог весть откуда, – правилами, может быть пригодными для казарм, но совершенно противными этой цели; если школа в своем содержании пробавляется кое-как, с грехом пополам; если учителей набирает она, не разбирая, может ли каждый из них быть воспитателем, может ли привить семена истинного образования к питомцам, а

так, для комплекта, то не пойдет далеко школа, не принесет долго плодов истинного образования стране, в которой и для которой существует, хотя бы цель, указанная ей, именно заключалась в истинном образовании. И основа школы может быть надлежащая, и управление ею может быть целесообразно, и средства ее материальные могут быть вполне достаточны, и учителя ее могут иметь нужный педагогический такт, и все же, при этих благоприятных условиях, школа не вдруг произрастит плоды, если только общественный и семейный склад народонаселения, среди которого она основана, диаметрально противоположен ее началам, если интересы его и потребности – другие, чем потребности школы. Осуществите идеал школы среди народа, который задавлен деспотизмом, у которого одна забота, как сохранить жизнь свою, не умереть с голода, – и не скоро влияние ее отразится на жизнь этого народа.

О ходе образования в России г. Фирсов говорит также с большим сочувствием к делу образования в его высшем, благороднейшем

значении. Мы надеемся, что доставим удовольствие нашим читателям, если приведем еще страницу, представляющую сжатый, но полный силы и правды очерк развития русского общества и народа (стр. 180).

Развитие русского народа шло так болезненно, долго, что свет истинного образования, долженствовавший внести силу в его больной остов, не вдруг мог подействовать на него благотворительно, не вдруг мог сдружиться с ним. Сначала вековая борьба государственных стремлений с родовыми преданиями, с требованиями князей, крестьян, при постоянном давлении отовсюду извне, потом кровавая победа государства над противогосударственными элементами, долговременное, в течение целого XVII столетия, брожение этих элементов, наконец эпоха Петра Великого – привели народ русский к тому состоянию, в котором несравненно меньшая часть его резко отделилась от массы: с одной стороны, помещик, чиновник и частью священник, с другой – податной и крепостной; первый владеет, управ-

ляет, судит, научает; другой торгует, пашет землю и, трудясь до нравственной и физической истомы, вместе с тем кормит первого, дает ему средства к роскоши, защищает его от внешних врагов... Таковы были отношения между двумя неровными частями русского народа в половине XVIII века, и в это время, когда все громче и громче говорилось и в Европе, а вслед за тем и у нас в России, о правах человеческих, о необходимости образования, – в это время более, чем когда-либо, раздавали крестьян во владении другим, в это время крепче затянул чиновник тот узел, который связывал его с подчиненным. Какими восхитительными красками ни восписуй отношение между помещиком и крестьянином, между чиновником, смотрящим на свое место как на вотчину, как на кормление, как сладко ни называй его чем-то родственным, патриархальным, – на деле эту патриархальность не скоро найдешь; но крайней мере в XVIII веке ее не существовало; напротив, обе половины враждебно смотрели друг на друга. Не мудрено

при этом quasi-патриархальном складе нашего быта, когда одна часть находилась в крепости у другой, – не мудрено, что голоса, возвышавшиеся в пользу истинного образования, в пользу признания прав человеческих, в пользу свободного развития человека, в пользу необходимости трудиться на благо общее, оставались, и прежде половины XVIII века и после того, голосами вопиющими в пустыне и не были слышны ни тою, ни другою частью: одна часть не хотела слышать этих воззваний потому, что в таком случае ей нужно бы было расстаться с опекою над другою, а другая... другая, пожалуй бы, и рада слышать их, да что толку в этом для нее?.. Эти воззвания к ней походили на приглашение к связанному по рукам и ногам и лежащему пластом в грязи, выраженное хоть в таких словах: пойдём, любезный друг, гулять! – Не мудрено, что народные училища, на которые возложен был труд распространить в России образование, шли чрезвычайно туго, и нет ничего удивительного, если пермские народные училища разделяли

участь с своими братьями; ибо тот общественный склад, о котором мы говорили, лежал со всеми своими темными сторонами и на почве пермской.

Затем, говоря о пермском народе, г. Фирсов замечает, что здесь условия были в некоторых отношениях еще неблагоприятнее: отдаленность края от высшей власти способствовала увеличению произвола чиновников и их безнаказанности, вся страна сделалась жертвою немногих тунеядцев, сам народ в течение многих годов не только не смягчил нравов своих, но закалился в грубости, тем более что население было составлено из различных элементов, враждебных друг другу. «Одно было у них общее, – говорит автор, – это недоверие ко всему, что носило мундир». Переходя отсюда к пермским училищам, г. Фирсов заключает (стр. 183):

При таких условиях масса народная не могла сочувствовать образованию, даже если хотела принять его, по одному только тому, что оно предлагалось боярами. Ее можно было только силою заставить отдавать детей в

училища, – и силою, приказом это и сделано; потому что хотя и старались тогда уверять, что городские общества добровольно изъявили желание завести у себя училища народные, но это было говорено для красоты слова; на самом же деле малые народные училища открыты по приказанию генерал-губернатора Волкова, что подтверждает очень наивно рапорт к нему чердынского городского головы. Да притом массе народной, при ее забитости, духовном растлении, недоступны были те начала, с которыми выступали народные училища; она если и понимала нужду в образовании, то под образованием она разумела простую грамотность, умение читать и писать в той степени, чтобы хотя поспорить с подьячими. Таким образом, легко объяснить, почему некоторые простолюдины в Пермском краю не хотели отдавать детей в малые народные училища, тогда как охотно посылали их на выучку к каким-нибудь книжникам, за дешевую цену сообщавшим книжную мудрость.

Нельзя не пожелать, чтобы г. Фирсов изло-

жил, как обещает, дальнейшую историю пермских училищ, и вообще – чтобы он писал сколько возможно больше и чаще. В таких именно статьях, в таких взглядах нуждается наша литература.

Есть еще в «Пермском сборнике» довольно значительный сборник песен, сказок и загадок, собранных в Чердынском уезде, и описание свадебных обрядов города Чердыни, составленное г. Предтеченским. Составитель описания обрядов доказывает, что в пермском населении сохранилась еще память о древних свадьбах *уводом и покупкою*, о которых говорится в летописи. Самые обряды, впрочем, не представляют ничего особенно оригинального и любопытного; в числе сказок есть любопытные, как, например, 8-я сказка: о крестьянине и незнакомом человеке.

В смеси довольно любопытны воспоминания о Феонове, учителе пермской гимназии тридцатых годов, местном сатирике и пасквилянте. Редакция обещает полную биографию Феонова [17], и потому мы теперь не станем о нем распространяться. Скажем только, что, по словам заметки, помещенной в «Сборни-

ке», Феонов «подвергся жесточайшим преследованиям, вполне достигшим цели», за стихотворение «К лицемеру», напечатанное в 1825 году в «Вестнике Европы»[18]. В стихотворении изображается лицемер, святоша, и больше ничего, – но тогдашний губернатор Тюфяев принял его на свой счет!..

Любопытно также в приложениях письмо Никиты Демидова заводским приказчикам, писанное в 1788 году. Оно любопытно по манере выражения: через каждые две строчки бранное слово, а иногда и такая тирада: «Проснись, отчаянный, двуголовый архибестия, торгаш и промышленник озерный и явный клятвопреступник и ослушник! Ребра в тебе, ей-же-ей, боюсь, не оставлю за такие паршивые малые выходы!..» и пр. (стр. 57).

Заклучим нашу рецензию опасением, что «Пермский сборник» многих оттолкнет от себя своею высокою ценою. В нем около тридцати печатных листов, а цена его три рубля. Очевидно поэтому, что на большой успех книги сами издатели мало рассчитывали; но, во всяком случае, жаль будет, если такое издание не пойдет.

Примечания

Условные сокращения

Все ссылки на произведения Н. А. Добролюбова даются по изд.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах. М. – Л., Гослитиздат, 1961–1964, с указанием тома – римской цифрой, страницы – арабской.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БДЧ – «Библиотека для чтения»

ГИХЛ – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI. М., ГИХЛ, 1934–1941.

Изд. 1862 г. – Добролюбов Н. А. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), т. I–IV. СПб., 1862.

ЛН – «Литературное наследство»

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. (Н. Г. Чернышевским), т. 1. М., 1890 (т. 2 не вышел).

ОЗ – «Отечественные записки»

РБ – «Русская беседа»

РВ – «Русский вестник»

Совр. – «Современник»

Чернышевский – Чернышевский Н. Г.
Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Впервые – *Совр.*, 1859, № 10, отд. III, с. 357–372, без подписи.

Сборник был издан в Москве, его редактор – пермский краевед и библиограф, в будущем земский деятель Д. Д. Смышляев. В 1860 г. вышла вторая книга по общей программе: история, этнография, статистика, смесь, приложения. По его примеру в других губерниях также стали издавать сборники. А. Н. Афанасьев писал Де-Пуле по поводу «Воронежского сборника» 21 мая 1860 г.: «От души желаю успеха предприятию и не только сходства с «Пермским сборником», но и превосходства» (Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР, ф. 569, оп. I, ед. хр. 119). Статья Добролюбова выходит за пределы краеведческой проблематики. Его постоянное внимание к бытовым, историческим, экономическим, политическим фактам провинциальной России, его забота о развитии просве-

щения «по всем краям» – часть его программы борьбы за «реальные воззрения» на современную жизнь русского общества, за перспективу общественного, демократического движения.

Комментарии

«Одесский вестник» – ежедневная газета, издавалась с 1828 г. «Южный сборник» издавался в Одессе в 1859 г. (№ 1–4).

[^^^]

«Православный собеседник» – журнал Казанской духовной семинарии, издавался с 1855 г.

[^^^]

Утверждение Добролюбова полемично. Рецензент (вероятно, С. Дудышкин) «Пермского сборника» в ОЗ (1859, № 8), напротив, отмечал множество провинциальных изданий, называя еще «Саратовский сборник», «Волжский вестник», «Киевский телеграф», и делал вывод о благоприятных условиях для провинциальных «деятелей».

[^^^]

Газета, издававшаяся в Петербурге в первой половине 1859 г. П. И. Мельниковым-Печерским.

[^^^]

«Северная пчела» (1859, № 108), «Московские ведомости» (1859, № 108, 117, 118, 143) то давали трибуну калужским крепостникам, противникам женского образования, то печатали письма их либеральных оппонентов (см.: Эпоха Чернышевского. М., 1978, с. 125–126).

[^^^]

Н. О. (Н. К. Отто) – учитель новгородской гимназии, корреспондент «С.-Петербургских ведомостей» и «Русского дневника». Его корреспонденция из Новгорода (*СПбВед*, 1858, № 260, 27 ноября), рассказывавшая о пустом времяпрепровождении губернского дворянского общества («битвы на зеленом поле» – картежная игра, спиритические сеансы и т. п.), о растлевающем влиянии провинции, вызвала негодование местных властей. По сообщению «Северной пчелы» (1859, № 68, «Провинциальная корреспонденция» А. Унского), Н. О. получил «нагоняй» от вице-губернатора, губернатор требовал увольнения учителя из гимназии, была попытка оклеветать Н. О. в местных «Губернских ведомостях». Данное сообщение было перепечатано в «Русском дневнике» (1859, № 80).

[^^^]

Н. П. Баллин, деятель кооперативного движения, член Екатеринославского дружеского «Пиквикского клуба», был исключен по настоянию губернатора из дворянского клуба за поддержку обличительной повести В. Н. Елагина «Откупное дело» (*Совр.*, 1858, № 9 и 10). Добролюбов выделяет В. Н. Елагина среди писателей-сатириков в статье «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» (см. наст. изд., т. 1, с. 604).

[^^^]

Крутогорск (Вятка) – место действия «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина; Беловодск (Екатеринослав) – «Губернского карнавала» В. Н. Елагина; Краснорецк (Екатеринослав) – «Откупного дела» В. Н. Елагина. Другие зашифрованные названия городов см.: Альтман М. С. Материалы по истории культуры и быта русских городов. – Ученые записки Горьковского государственного университета, вып. 57, 1962. Его же. Криптонимы сибирских и уральских городов. – Очерки литературы и критики Сибири (XVII–XX вв.). Новосибирск, 1976.

[^^^]

«Le Nord» (1855–1871) – политическая газета, издававшаяся в Брюсселе, субсидированная русским правительством.

[^^^]

См. примеч. 15 к статье «Народное дело».

[^^^]

См. рецензии Добролюбова на эти издания в наст. т.

[^^^]

Статья этнографа и археолога А. П. Зырянова.

[^^^]

См. примеч. 12 к статье «Русская сатира екатерининского времени» в наст. т.

[^^^]

Н. А. Фирсов – соученик Добролюбова по Главному педагогическому институту, окончил его в 1855 г., был назначен старшим учителем Пермской губернской гимназии, переписывался с Добролюбовым (VIII, 495–496).

[^^^]

«Русский педагогический вестник», в котором была напечатана статья Фирсова (№ 10–12), редактировался профессором Главного педагогического института И. А. Вышнеградским. К нему Добролюбов относился крайне неприязненно.

[^^^]

В «Русском дневнике» говорилось о протесте аристократической верхушки Перми против публикации статьи Фирсова в «Русском педагогическом вестнике».

[^^^]

Биография В. Феонова в следующем выпуске «Пермского сборника» не появилась.

[^^^]

В «Вестнике Европы» за октябрь.

[^^^]